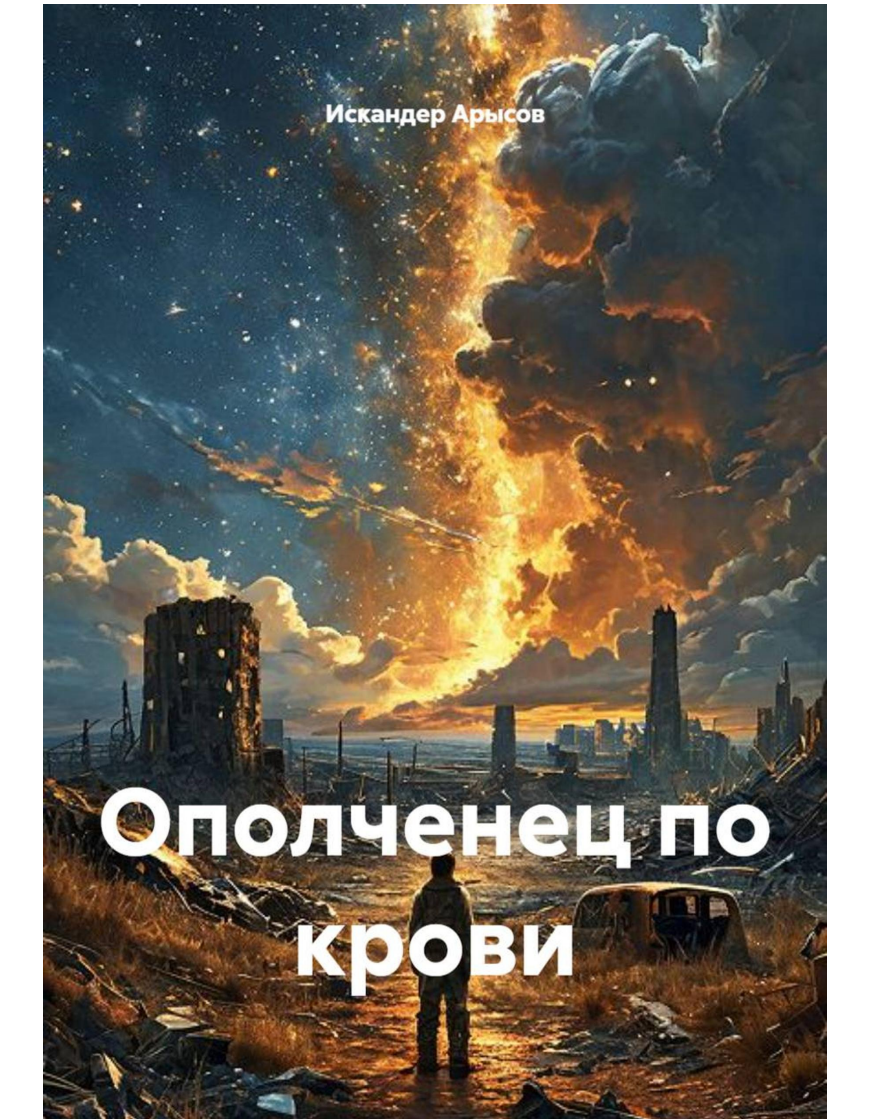

Искандер Арысов

Ополченец по крови

Искандер Арысов

Ополченец по крови

<https://litres.ru/74263868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошёл четыре пули. Стрелял мизинцем — правая рука висела плетью. Утешал других, истекая кровью. В мирной жизни — неудачник с дипломом режиссёра. На войне — незаменимый.

Денис Арбузов видел войну как геологический процесс. Как движение континентов. Он знал, что наши обиды — пыль перед лицом космоса. Но продолжал рисковать собой, спасать других и смеяться в кузове «Урала» под обстрелами.

Эта повесть — история человека, который достиг предела Роша и не рассыпался. Он сжался до плотности нейтронной звезды и остался твёрдым до конца.

«Они поймут», — говорил он про тех, кто не видел войны.

О том, как обычный аппендицит оказался страшнее четырёх пуль. О поиске места во вселенной — там, где никто не искал. О том, что даже в аду можно оставаться человеком.

Такие живут вечно — пока мы их помним.

Искандер Арысов

Ополченец по крови

ПРОЛОГ. О ПРИРОДЕ ТВЁРДЫХ ТЕЛ

В астрофизике существует понятие предела Роша — расстояния, на котором приливные силы массивного небесного тела разрывают его спутник на части. Всякий объект, приблизившийся к более массивному телу ближе этого предела, обречён. Его собственной гравитации перестает хватать, чтобы удерживать себя в целости. Он рассыпается на фрагменты, образуя кольцо — прекрасное, упорядоченное, но мёртвое. Это кольцо может сиять в лучах далёкой звезды, но внутри него уже нет жизни, только холодный камень.

Люди, прошедшие войну, знают этот предел лучше астрофизиков. Каждый из них однажды подошёл к черте, за которую нельзя заходить. Многие перешли её и рассыпались — стали удобными, сломленными, тихими, научились не замечать чужой боли. Или, наоборот, взорвались агрессией, превратились в ходячие комки ненависти, отравляя всё вокруг. Но некоторые — редкие, как нейтронные звёзды — коллапсируют не наружу, а внутрь. Их вещество уплотняется до такой степени, что ложка этого вещества весит миллиарды тонн. Они становятся почти неразрушимыми. Гравитация их духа так велика, что искривляет пространство вокруг них,

заставляя даже время течь иначе.

Денис Арбузов был таким коллапсаром.

В мирной жизни он весил как пустота — неприкаянный, подслеповатый, с дипломом режиссёра МГИКа, который никому не был нужен. С ним невозможно было строить карьеру, потому что он не умел молчать, когда видел фальшь. С ним трудно было жить, потому что он уходил в себя и мог сутками не произносить ни слова. Но внутри него скрывалась плотность, способная искривлять пространство-время вокруг. Я это почувствовал впервые весной 2015 года в Луганске, когда мы сидели в кафе ТЦ «Вершина», пили чай со спиртом из-под стола, а за окнами иногда взрывалось.

Он был ранен. Одна рука висела плетью — мышцы и сухожилия перебиты, пальцы не двигались, только большой палец и мизинец сохранили слабую чувствительность. Он придерживал её второй — здоровой — рукой, словно она была не частью его тела, а вещью, которую он временно носил с собой. Но при этом он утешал меня. Меня, который не получил ни одной пули, который просто приехал на три дня разгружать гуманитарку и уже был готов рвать зубами глотки всем, кто это допустил.

«Оставь, — сказал он про сокурсников, постивших украинские флаги. — Они поймут».

Я тогда подумал: как можно быть таким спокойным? Это было не христианское всепрощение и не буддийское отрешение. Это было что-то другое. Что-то, связанное с правиль-

ным пониманием масштабов. Денис видел войну не как я — пламя гнева, требующее немедленного возмездия. Он видел её как геологический процесс. Как движение континентов. Как неизбежный этап охлаждения планеты. Как столкновение тектонических плит, которое длится миллионы лет, и наше поколение — лишь секунда в этом столкновении.

Я понял это только годы спустя, когда прочитал книжки одного очень умного философа, и осознал: Денис мыслил категориями космических эпох. Он знал, что правда и справедливость не имеют быстрого действия. Они действуют в масштабе тысяч лет, а наша жизнь — только одно колебание атома в этом процессе. Но при этом — и это был парадокс — он действовал так, будто каждая секунда была последней. Он сочетал космическое спокойствие с абсолютной, почти животной решимостью.

«Они поймут», — повторил он. И я, как пылающий костёр гнева, затухал рядом с ним. Потому что рядом с коллапсаром всё замедляется, включая время. Его голос действовал как гравитационное замедление времени: минуты растягивались, эмоции остывали, и то, что казалось катастрофой, начинало выглядеть просто эпизодом.

Эта повесть — не просто история человека. Это попытка зафиксировать гравитационную аномалию, которой был Денис Арбузов. Аномалию, которая не исчезла даже после того, как её источник перестал существовать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИНЦИП КОПЕРНИКА И

ВОЙНА В ДОНБАССЕ

Луганск, март 2015

Мы не виделись с институтом. Девять лет. Девять лет, за которые я успел забыть, как именно Денис запрокидывает голову, когда смеётся — будто показывает небу своё горло, доверяя ему самое уязвимое. Как поправляет очки — не пальцами, а всей ладонью, потому что пальцы слишком толстые для такой тонкой работы, и очки всё равно съезжают через пять минут. Как молчит в компании, когда говорят другие, а потом выдаёт фразу, которая переворачивает всё обсуждение, заставляя всех замолкать и переваривать сказанное.

Он пришёл в кафе «Вершина» в мультике — полосатой куртке, которую в России называют «пижамой», но здесь, в Луганске, она была формой. За ним числилось ополчение. Я приехал из Первомайска, где три дня разгружал гуманитарку в бомбоубежища. Мы встретились на полчаса. Ему надо было возвращаться в часть. Мне — ехать дальше, в Стаханов, потом в Брянку, потом снова в Первомайск, потому что там ещё оставались старики, которых никто не кормил.

Я был зол. Нет, не зол — я был расплавлен. Во мне кипела такая температура, что я мог бы плавить сталь. Я только что видел разбомбленный детский сад. На его стене осталась фреска — нарисованный зайчик с оторванной головой. Кто-то рисовал его для детей, вкладывал душу, смешивал краски, а теперь эта голова была просто выбита осколком, словно кто-то выстрелил в само детство. В бомбоубежище под

руинами школы сидела баба Нюра, которой было девяносто два года. Она не хотела эвакуироваться, потому что «там, в безопасном месте», не будет её кота Василия. Кота убили за два дня до моего приезда — осколок стекла перерезал ему горло, когда он грелся на подоконнике. Баба Нюра всё равно не поехала. Она сидела в подвале с его тельцем, завёрнутым в тряпку, и отказывалась отдать его на помойку.

Я рассказывал это Денису и чувствовал, как голос срывается. Как кулаки сжимаются сами собой. Как где-то глубоко в животе рождается ненависть — не к конкретным людям, которых я видел в прицелах украинских снайперов, а к самой вселенной, которая допускает такое. К этому безумию, когда девяностодвухлетняя старуха остаётся одна в развалинах, потому что её единственной связью с миром был кот.

А Денис сидел напротив, грыз печенье — хрустел им медленно, задумчиво, как будто пробовал каждый кусочек на вкус, — пил чай и молчал. Его лицо не выражало ничего, кроме лёгкой усталости человека, который давно привык к тому, что я считал невыносимым.

— Ты слышишь меня вообще? — спросил я.

— Слышу, — сказал он. И полез под стол за фляжкой. Движения его были точны, несмотря на раненую руку: левая рука действовала как маятник, правая просто висела, но он уже научился компенсировать это пластикой корпуса.

Мы добавили в стаканы. Я выпил залпом — обжигающе, не чувствуя вкуса. Он — маленькими глотками, потому что

правая рука не держала стакан, и пришлось переложить его в левую, а левая была слабой от постоянного напряжения — придерживать ту, что висела.

— Знаешь, что такое принцип Коперника? — вдруг спросил он.

Я опешил. Мы говорили о погибших детях, о разбомбленных больницах, о наших бывших однокурсниках, которые в московских кафе рассуждали о «героической борьбе Украины за европейские ценности», попивая латте и поправляя шарфы, — а он спрашивает про Коперника.

— Это когда Земля не центр Вселенной, — буркнул я.

— Не только. Принцип Коперника в современной космологии гласит: нет никакой особой точки наблюдения. Все места во Вселенной равноправны. То, что мы видим отсюда, не более истинно, чем то, что видят оттуда. Если ты находишься в Москве, твоя правда — это новости Первого канала. Если ты в Киеве — это новости ICTV. Если ты в Берлине — это совсем третья картина. И все они имеют право на существование, потому что все наблюдатели равноправны.

— И что ты хочешь сказать? Что страдания здесь не более важны, чем страдания где-нибудь ещё? Что баба Нюра и её кот — просто статистика?

— Я хочу сказать, — Денис аккуратно поставил стакан, и я заметил, как дрожит его левая рука от напряжения, — что наши сокурсники смотрят на эту войну из своей точки. Из Москвы, из Санкт-Петербурга, из Берлина. Их информаци-

онная картина мира сложилась так, что украинский Майдан — это свобода, а донбасское ополчение — это террористы. Они не плохие люди. У них нет доступа к другой информации. И даже если бы был — они уже выбрали свою точку. Сменил бы ты свою точку, если бы все вокруг тебя говорили обратное?

— И поэтому их можно простить?

— А кто говорит про прощение? — Денис удивился по-настоящему, и в его глазах мелькнула искра. — Прощение вообще не при чём. Я говорю про понимание. Если ты поймёшь, как работает их система координат, ты перестанешь тратить энергию на борьбу с ними. Всякая борьба с отражением в зеркале — пустая трата времени. Ты же не борешься с собственным отражением, когда смотришься в воду? Ты просто знаешь, что это отражение, и идёшь дальше.

Он говорил это так, будто выводил уравнение. Будто люди были просто переменными в большой формуле, которую он решал уже много лет. И в тот момент меня это раздражало. Мне хотелось, чтобы он тоже кричал, рвал рубаху, требовал крови. Но он не кричал. Он сидел в своей мультике с плетью вместо руки и был спокоен, как космос.

Я не знал тогда, что это спокойствие — результат его собственной теории относительности. Денис уже давно понял то, до чего человечество дойдёт только через несколько поколений, если вообще дойдёт: в большом масштабе времени наши обиды, счёты, даже наши войны — это пыль. Осадоч-

ный слой толщиной в один микрон на поверхности никому не нужной планеты. Через тысячу лет никто не вспомнит, за что воевали ополченцы и ВСУ. Останется только факт: здесь была война, и люди умирали.

Но при этом — и это был главный парадокс Дениса — он не становился циником. Он не говорил: «Всё равно все умрём, так зачем помогать?» Нет, он продолжал воевать. Продолжал рисковать собой. Продолжал погибать — и выживать — снова и снова. Он ездил к бабе Нюре, привозил ей еду, чинил крышу. Он не говорил ей про кота. Он просто был рядом.

Он был воплощённым парадоксом мира: понимал ничтожность человеческой жизни перед лицом космоса — и поступал так, будто каждая жизнь была единственной во Вселенной.

— Ладно, — сказал я, выдыхая. — Оставим наших сокурсников. Давай лучше вспомним Пахомова.

И мы начали вспоминать. Первый курс. Кафедра режиссуры и массовых представлений. Пахомов — наш куратор, который учил нас видеть суть за формой. «Режиссура — это умение отличать главное от второстепенного», — говорил он. И мы, двадцатилетние дураки, думали, что речь о постановках, о свете, о мизансценах. Мы спорили о том, какой оттенок синего лучше для задника, как двигать актёров по сцене, где расставить софиты.

Но Денис понял раньше. Он всегда понимал быстрее.

Главное и второстепенное в жизни он разделил для себя жёлезно: главное — это люди, которые рядом. Всё остальное — идеологии, деньги, карьера, даже убеждения — второстепенно. Когда приходит время, второстепенное отбрасывается, как отработанная ступень ракеты.

Именно поэтому он воевал. Не за ДНР, не за ЛНР, не за «русский мир» и не против «бандитов». Он воевал за тех, кто был рядом. За Петьку, который сидел дома в Луганске и у которого от новостей поднималось давление до ста восьмидесяти. За командира, который погиб в Дебальцево, потому что Денис отошёл «просто отлить». За бабу Ньюру, которая не поехала без кота. За всех этих людей, которые не смогли бы защитить себя сами — не потому что слабые, а потому что слишком нормальные, чтобы поверить, что война может прийти в их дом.

Я помню, как он рассказывал про своего первого убитого. Это было под Славянском в 2014-м. «Я даже не понял сначала, — сказал он. — Просто нажал на спуск. А потом увидел, что человек упал. И подумал: вот и всё. Ты теперь другой. И никогда не станешь прежним».

Он не драматизировал. Не каялся. Не хвастался. Он просто констатировал факт, как физик, который увидел в микроскоп новую частицу: «Да, она существует. И она меняет всё». Он не рассказал, что снилось ему после, как он просыпался в холодном поту с криком, как пил неделями, чтобы забыть лицо. Я узнал об этом от Петьки только потом, когда

Дениса уже не было.

— Мне пора, — сказал Денис, глянув на часы. Он поднялся, и я впервые заметил, как он хромает — пуля задела бедро, кость срослась криво.

Он обнял меня — здоровой рукой, прижимая к себе раненую, словно она была ценной ношей. И вышел. Я смотрел, как он идёт по улице в своей полосатой куртке, как ветер треплет волосы, как очки сползают на нос. Обычный мужчина, каких тысячи. Но что-то в его походке было такое... нечеловеческое. Будто он нёс в себе груз, который другие не видят, и при этом шагал легко, будто груза нет.

Потом я прочитал в одной книге: «Нейтронная звезда — это труп массивной звезды. Но этот труп настолько плотен, что продолжает излучать. И если бы мы могли подойти к ней близко, мы бы ослепли от её света».

Денис был живой нейтронной звездой.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЁМНЫЙ ЛЕС ДЕБАЛЬЦЕВО

Луганск, весна 2016

Мы встретились у Пети.

Петя был звездой нашего курса. Лауреат премий, о которых мы на первом курсе даже не слышали. Его спектакли шли в Москве, в Питере, в Париже, в Тель-Авиве. У него была квартира в центре Луганска — родительская, которую он не бросил, хотя мог бы продать за бешеные деньги и уехать навсегда. Он приезжал сюда между гастролями, и в его гостиной висели афиши на трёх языках, а на кухне стоял само-

гон, сваренный соседом дядей Витей — мутный, крепкий, с запахом хлеба и чего-то неуловимо домашнего.

Денис пришёл последним. Он опоздал на час — его не отпускали из части. Пришлось везти мешок картошки и ящик сигарет, чтобы задобрить командира. «Торговля», — усмехнулся Денис, входя. И плюхнулся на табуретку.

Правая рука всё так же висела. Пальцы — половина не работала. Но он уже не придерживал её постоянно. Привык. Или просто перестал обращать внимание. Я заметил, как он наливает себе: зажимает бутылку между колен, откручивает пробку левой, потом льёт, придерживая стакан больной рукой — она служила просто подпоркой.

— Ты бы к врачу ходил, — сказал Петя.

— А ты бы к психиатру, — ответил Денис. — Все мы немножко того.

Выпили. Закусили солёными помидорами. Начали вспоминать институт. Кто где сейчас. Сашка — в Берлине, документальное кино снимает, в этом году его фильм взяли на Берлинале. Танька — за бизнесменом из Нью-Йорка, трое детей, живёт в Коннектикуте. Витька — в театре на Таганке, уже соглавным режиссёром стал. Наш курс разлетелся по миру, как осколки гранаты. И только двое сидели в Луганске, под обстрелами, и пили самогон, потому что больше некуда было идти.

— А помнишь, — сказал Петя, — как мы на первом курсе ставили «Ревизора» в стиле киберпанк?

— Помню, — Денис улыбнулся. — У меня там был монолог Городничего на фоне голограмм. Я должен был стоять в центре сцены, а вокруг меня летали цифровые бабочки.

— И ты забыл текст!

— И я забыл текст. Импровизировал полчаса. Пахомов потом сказал: «Арбузов, вы либо гений, либо идиот». Помнишь, как он снял очки и протёр их, будто не верил своим глазам?

— Кем он тебя в итоге назвал?

— Не дождались, — Денис запрокинул голову и засмеялся — так, что я увидел его горло, сжимающееся от смеха. Очки съехали на нос, и он поправил их всей ладонью — так, как всегда.

А потом кто-то — кажется, Петина жена Лена, врач по профессии — спросила про Дебальцево. Про то, как Дениса ранили. И повисла тишина. Даже дядя Витя замер с ножом в руке.

Денис помолчал. Покрутил стакан в левой руке — медленно, словно рассматривая игру света в самогоне. Потом начал рассказывать.

— Это была ошибка, — сказал он. — Чистая, классическая ошибка идентификации. Мы знаем этот тип ошибок из военной истории. Свои стреляют в своих. Американцы в Первой мировой, немцы во Второй, русские в Чечне. Технически это называется «дружественный огонь». По-русски — «свои своих».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.